

ГРОЗДЬ РЯБИНЫ

*В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.*

С. Есенин

Студёный ветер дул с равнины.
Насквозь пронизывал лесок.
Упала с ветки гроздь рябины,
Ударилась о мой сапог.

Зачем в такую непогоду
Один побрёл на скрип ветвей,
Пугать зверей и злить природу
Унылой праздностью своей!?

Упала с ветки гроздь рябины
К моим ногам, как знак, как весть.
Да, неминуем час кончины.
Да, в мрак земной предел разверст.

Пусть так! И всё-таки алела
В лесу рябиновая гроздь,
Как будто светозарно пела,
Что каждый в мире только гость.

Костром рябины не согреться?
Я не об этом, друг мой... Вновь
Глаза влажны, и бьётся сердце,
И пьёт рябиновую кровь.

ПЕРВОКЛАССНИК

Соседский мальчик... ранец за плечами,
Искрящие звёздочки в глазах.
Всё – в будущем, и в радужном начале
Вершится жизнь как будто в небесах.

– А я считать до тысячи умею!
Хотите, расскажу вам алфавит?
И я не похвалить его не смею,
Пока несётся вниз подъездный лифт.

Вход в школу – театральные подмости.
В руке букет – как сказочный фонтан...
А за углом нарядные подростки
Стоят кружком и курят Furong Wang*.

А в городе – житейская обычность.
Ложится в папки жизнь в скрепленьях скоб.
И, чтобы разглядеть судьбу и личность,
Понадобится сильный микроскоп.

А в мире... не один пытливый классик
Мир обличил в безверии и зле...
Но он идёт – как ангел, первоклассник –
На праздник с вещей верой о земле.

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ

Андрею Момсюкову

На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын*
В сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
А сержант, закалённый огнём.
Ведь военной была амуниция,
И шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи,
Доверяя милиции тыл.
Остывали в руинах пожарищи.
Полыхали сердца у могил.

В город жители шли – деревенские,
Возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
И хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
Отдых короток был и не част –
Намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случилось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
И грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
Передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
Возражал, а бумажечку брал,
Улыбался – мол, нечего хмурится,
На работе, наверно, аврал.

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
Нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
Хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришивными карманами
Милицейская чудо-шинель.

Проходя «Под часами», хоть мысленно
Повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной,
Делом, в общем-то, очень простым.

Мир основан на людях отзывчивых,
Подпоясанных строго ремнём,
В нужный час – непременно улыбчивых,
Закалённых жестоким огнём.

---

* Прим. авт. Милиционер Курицын простоял на посту «Под часами» 12 послевоенных лет (данные Музея полиции КЦ УМВД по Смоленской области)

И об этом, как важном предании,
Для потомков – не только для нас –
Вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

* * *

Я Родину уже терял однажды.
Позор, раздор, бесчинство и раздел!..
Изорванная память – змей бумажный
В зовущем к звёздам небе СССР.

Не изменив присяге, флагу, гимну,
Терзаясь мукой: «Что один могу?»,
Я думал, что без Родины погибну,
Как брошенный младенец на снегу.

Но в дни, когда витийствовал ворюга,
А голос из народа жгли смолой,
Меня, целуя, блоковская вьюга
Вдаль понесла над плачущей землёй.

Несла и пела нежно и сурово,
Как нянька, подменяющая мать,
Что Родину, как праведное слово,
Ни хитростью, ни силой не отнять.

ЖЕРЕБЁНОК

Впервые встретив жеребёнка
На пахнувшей зерном стерне,
Я не сумел унять ребёнка,
Давно молчавшего во мне.

Одoleвало нетерпенье
К себе по имени позвать,
За шею чудное творенье,
Обнять и в лоб поцеловать.

С испугу глупый недотрога
Меня свалил, лягнувши в грудь...

Перетерпел обид я много,
А эту вспомню – не вздохнуть.

ГОЛУБИ

Прикормил я диких голубей
За окном подъездного балкона.
Городским история знакома, –
Думал я, что станет мир добрей.

Прилетали голуби с утра
На пшено и хлеб, да на перловку.
Радуюсь, я запасал на полку
Провиант обычного добра.

Но однажды молодой сизарь
Подлетел к кормушке незнакомой,
Сел в сторонке, сжался в позе скромной,
Мол, чего мозолить всем глаза.

Распустили недруги хвосты,
Заострили крылья, словно сабли,
Боевыми коршунами стали.
Полетели перья на кусты...

В драке сизарю не повезло.
Насмерть заклевали бедолагу.
Не виню беднягу за отвагу.
Я хотел добра, накликал зло.

ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ДОМ СЕМЬ

Слышится приятельское: «Вовка!»,
А за ним дворовое: «Макар!»,
Будто разряжается двустволка,
Оставляя на сердце нагар.

Колыхнулась вечность, будто штора.
Из окна – девчоночье шу-шу.
В пионерском галстуке и шортах
Я в квартиру бывшую спешу.

В пальцах века обернулась турка.
Время гущей вылилось на дом.
На стене, как кожа, штукатурка
Вздулась пучеглазым пузырем.

Ребрами торчащие ступени.
Холодок расшатанных перил.
На побелке – крабовые тени.
Ими сумрак вдруг заговорил.

А в окошко видно: на балконе
Стиранные простыни висят.
И от страха чудится – в агонии
Призраки под крышей голоса.

Призраки!.. Зачем я сам, как призрак,
Замер перед тёмным чердаком!?
Да кому такая антреприза
Выгодна!? Грозит мне кулаком

Кто-то в чёрном, как с ночного неба.
Мол, давай отсюда належке:
Детство – былъ, а ты – смешная небыль
С пионерским галстуком в руке.

ФАРФОРОВЫЙ СТАРИК

На лавке перед магазином
Сидит фарфоровый старик.
Он дышит пылью и бензином,
Сгустив молчание в кадык.

Автомобильное движенье,
Бег пешеходов, толкотня
Не трогают воображенье,
В дремоту сладкую клоня.

Куётся жизнь, но звукиковки
Ударов сердца не слышней.
Ведёт сознание раскопки
Давно окаменевших дней.

Всё чётче проступают грани
Былого: стан, овал лица...
И в сердце сложенные камни
Крошатся в красные тельца.

И память лепит, как с натуры,
Любимый образ... вновь и вновь...
И жжёт фарфоровые скулы
Непреходящая любовь.

* * *

Мороз за метелью вдогонку
Пускается в зимней игре.
Мальчишка целует девчонку,
Как будто апрель на дворе.

Клонит, заграбастав в охапку,
Податливый стан между ног.
И сбилась задиристо шапка,
Как птичий цветной хохолок.

Глаза закрывает девчонка,
Искрится залиvistый смех,
И оба, как два медвежонка,
Крутясь, бултыхаются в снег.

А я, как старик инфантильный,
От зрелища к тропке примёрз,
Как будто мне снежный посыльный
Открытку из детства принёс.

В МАРШРУТКЕ

Довольства нотки слышались в движке.
В салон врывается ветер, пьяный, вольный.
В маршрутке – франтом в белом пиджаке –
На праздник ехал я, деньком довольный.

Водитель слушал радио-попсу.
Ей вторили звонками телефоны...
А я глядел на злобную осу,
Гудевшую, как лайнер многотонный.

Оса упорно билась о стекло,
Подвластная пустой природной шутке.
Так время не осмысленно текло,
Пластаясь под колёсами маршрутки.

И тут старушка к выходу пошла –
Шажок... другой, – как в пелене дремотной.
Осой мне сердце жалость обожгла.
Горбатая... и плащик допотопный,

В платке невзрачном, спущенном на лоб,
В нелепых ботах... взглядом смерть мостила...
Казалось, что несёт хозяйку горб,
В котором та судьбу всю уместила.

А может быть, и весь двадцатый век...
Двадцатый век, твой – допотопный плащик.
Реликтовый советский человек,
Сегодня ты уж божий одуванчик.

Она сошла, как свет в объятья тьмы.
За ней – оса в последнюю минуту...
А я подумал, что несёмся мы
Не по тому, наверное, маршруту.

* * *

Сушу ржаные сухари.
Не оттого, что нет достатка,
Не от излишнего остатка, –
Живу на кровные рубли.

Бывало, вечером отец
Разложит хлеб на батарее,
И нас как будто солнце греет
По вожделению сердец.

Сидим у телика и ждём
Начала матча, сухарями
Хрустим, а думаем о маме,
Любовью озаряя дом.

Дверной звонок – благая весть!
И мама вновь всплеснёт руками:
«Ах, что мне делать с мужиками!?
А кто же ужин будет есть?»

С годами стало мне видней:
Пришлось родительское детство
На мировое лиходейство,
Был райский вкус у сухарей.

Сушу ржаные сухари.
Тревожу дом пространным взглядом.
Отец и мама где-то рядом.
Лишь двери настежь отвори.

КАМЕРТОН

– 1 –

Гламурной жизни не в удел
Поэты с тихими стихами.
Пренебрегают стариками,
Лиризм, мол, в ритмах устарел.

А в чём же главная надежда?
Возвысишь, молодость, кого?
И насмехается невежда
Над ритмом сердца моего.

Очередной поэт-новатор
На стройке буквенных дворцов
Коверкает, как экскаватор,
Берёзовый язык отцов.

– 2 –

Всерьёз играют мальчишки в поэтов,
Стихи читают с важностью грача.
Ударов судьбоносных не изведав,
Метафарят и рифмами бренчат.

Я в юности таким же был задирой,
Как в кофемолке, мир молот в груди,
Бряцал, позорно важничая, лирой,
Не представлял – расплата впереди.

Кто создал камертон – настроить лиру
Так, чтобы Бог её поцеловал?!
Я обращаю к небу, а не миру
Страдательные кровные слова.

Слова – молитвы, а не зёрна кофе.
Слова томят, гнетут, лишают сна
И подтверждают, как перед голгофой,
Что жизнь и есть Поэзия сама.

